

*Погибшие за нас не уходят от нас.
Отец славен сыновьями.*

Русская пословица

1

*Кто как хочет, а я по-своему.
Стреми свой ум к добру.*

Русская пословица

А мне и самому в полное удивление теперь, ну как это мы вот так, с ничего, совсем с ничего, совсем вдруг попали тогда в Батум, хотя прямо и не скажи того, — не так-то вовсе вдруг, это только на первые глаза так оно кажется...

На твоих глазах — а надо сказать, прескверная у меня мода говорить с самим собой, как с кем другим, — на твоих ведь видах я все клянчил ма отпустить меня в мореходку. Да ты ж знаешь! «А кто кукурузу станет сеять? А кто будет пособлять деньжонки Митьке на техникум зарабатывать? Ты ж старший в доме мужчина, первейшина, хозяин!» Оно видишь, под что клинья бьются? Понимаешь, к чему все ладится? Кому раз, кому два, а кому и нет ничего. Все я куда-то, все я кому-то, а когда же мне? Лета молодые уйдут, потом мне не надо. Потом поздно уже, как в старость въедешь.

Всякое ученье призваньем хорошо — у меня его нету.

В дневнике в моем все великомученицы-тройки, редко когда-никогда шалой какой волной прибьет к берегу к моему четверку, так этой птахе, и то сказать, так одиноко и вчуже все тут, что другим разом она и во весь месяц не случится снова.

Зато физик через неделю да во всякую неделю с немецкой аккуратностью под-

пускал мне лебедей. Бывало, нарисует невесту в пол-листа своего лебедя, полюбуется с ухмылочкой, протянет назад дневник:

— Два!

Под венец четверти весь урок тебя до смерти гоняет, а наскребет-таки на изумление мне со всех моих закоулков под шапкой сору на троечку, да и не отдаст с миром, а непременно попрекнет, мол, не за знания — за усердие жалую. А обиды что! Я ж ночами, как есть полными ночами, от света до света, долбил ту физику, только проку ни на ногу срезанный. Таких в классе и на завод нету, если меня мимо счета пустить, один я такой пустоколосый.

Отчего? Или у нас дома, в Насакирали, в кринице вода такая?

Что ж тут напридумашь? Что ж тут его поделаешь? Раз тупо сковано — не наточишь.

Одним бычьим упрямством справного аттестата не взять. Тогда уж лучше в мореходку, покуда не вышли роскошные года мои.

А и там, конечно, не мед ложкой, так зато там у меня козырь вон какой: я при месте, при главном при месте своем.

На мореходку меня хватит. Подналягу, упрусь, никуда не денусь. Кончу!

И где? В самом Батуме!

В этом для меня было все.

2

Ретивое сердце живет без покоя.

С Вязанкой, с этим припаянным Николкой, мы жили тогда в соседях в безымянном поселушке в одну улочку.

К нам на пятый район чайного совхоза Вязанки приехали из Одессы года так за три до описываемых событий.

От Николы (мы ходили в один класс) я узнал, что его отец, старый матрос, нажил какую-то страшную морскую болезнь. Отца списали на берег. Отец возненавидел и море, и Одессу, отчего и затерся по вербовке к нам в глушь, в горы.

Перед отъездом отец велел матери отнести в букинистический магазин всю свою морскую библиотеку. Но мать... тайком упаковала ее в багаж.

Держали книжки на новом месте подальше от отцовских глаз, на чердаке в картонных ящиках.

Всякий раз после уроков, когда не было дома отца, мы с Николой забирались читать «запрещенную литературу», пьяняще-сладкая власть которой день ото дня росла над нами.

Каждое утро мы вышагивали по восемь километров в сам Махарадзе, по-кавказски веселый районный городишко, весь какой-то всегда празднично нарядный и ликующий.

В том местечке на взгорке у болтливого притока речонки Бжужи сиротливо печалилась наша барачная русская школушка.

В девятом мы за одной партой сидели с Николой.

Никола выделялся, пожалуй, даже блистал какой-то диковинной усидчивостью и основательностью, в благодарность чему он в классах трех, мало — в двух чистосердечно канителился по два года сполна.

А возьми так, по-за школой, парень вовсе и непромах. У этого в зубах не застрянет!

Ну пускай звезд с неба не брал, ну опять же пороху не выдумывал, а вместе с тем

был невестой какой верткой, ходовой, хваткий, да вдобавку — по мне, это уже и ни к чему совсем — да вдобавку был еще на руку под случай мелкий плут.

Когда Вязанку-старшего спрашивали, почему за такое мало отделявал сына, спроста отвечал:

«А! Больше не сто́ит».

Так вот, заикнулся я было Николе про море...

Чудо я гороховое! Да он мне сам еще прошлым летом, как восьминарию закончили, смехом говорил про мореходку, а я взаправду и не прими. Ну какое же серьезное дело замешивается под хаханьки?

А то была всего лишь маска. Мол, не примет намека — со смеха взятки гладки. Теперь же, на поверку, вижу, у него та же хворь, только он молчал все, знай не терял, не шелушил понапрасну досужих толков про свое, про заветное.

Глянул на мои слова Вязанка таким орлом раз, глянул два, а там махом сгреб с парты все причиндалы наши в сумку к себе и толк, толк это меня локтиной в бок, шлет глазами к двери.

— Хватит тут этих клопов дразнить! — Самый длинный в классе Вязанка не без яда навеличивал мальчишек всех не иначе как клопами, за что те поглядывали на него искоса, и мудрено было понять, чего в тех взорах плескалось больше, злого попрека или зависти.— Трогай!

— Вот так и сразу?

С удивления вытаращил я глаза; рот, похоже, распахнул до неприличия широко, раз Никола сказал:

— Закрой свой супохлеб, а то горло простудишь. Ну, чего ложки вывалил? Не видал, что ли? Тро-о-гай, крендель!

— Ты что? В самом деле срываешься с физики да с химии? С целых двух!

— С целых,— рассудительно подтвердил Вязанка и в нетерпении выдал сквозь зубы: — Или у тебя фляга свистит? Да гложни ты, чумородина, с этими уроками. Гложни!

— Так сразу? За этот французский отпуск* нас по головке не погладят. Дело ж к концу четверти... Может... физик спросит. Может, шупленькую двойку исправишь на кол потверже!

— Не-е. На колу меня не проведешь,— держу я свой интерес.— Я сплю и тройбанчик вижу... А ну-ка мне бы его еще да и наяву в дневничок заполучить, самую ма-а-ахонькую, са-мую сла-а-аабенькую, а только удочку и никаких твердых твоих заменителей не надо. Троюшка все-таки тоже уважаемая международная отметка.

— Эхе-хе-хе-хе-е, ну и так далее. Слушаю я тебя, шурик, и вот про что думаю... Тебе да мне к концу четверти уж честней куда будет — пристраивайся под дверью у серпентария** и как вывернулся кто из преподавательского генералитета, вались на колени, ладошку ковшиком, да рыдай: «Троечку... Подайте Христа ради троечку... Пожалейте, люди добрые, несчастного... Да подайте же троечку!» Со стороны так глянуть, думаешь, ответы наши у доски не жалобней этого романса побирошки? Не тошно ли вымогать призрачные тройки? А? Не пора ли взростеть, вьюноша?

3

Кто не рискует, тот не выигрывает.

Со звонком на физику мы с достоинством дипломатов отбыли из школы. Ласково-торжественно взглядывая на хорошо уже гревшее майское солнце, на

* *Французский отпуск* — прогул занятий.

** *Серпентарий* — учительская.

долго не пропадавшую из вида поднебесно высокую заводскую трубу с сизой гриной из дыма, мы в совершенном, каком-то просветленном молчании дошли до речки, что неожиданно радостно блеснула широкой полосой из-за поворота крутого.

— Завтра в ноль часов ноль минут ноль секунд по времени столицы нашей Родины Москвы начинаем новую, самую расправильную жизнь! — театрально-дурашливо прокричал с низких перил грабовых мостков Никола, и мы, без сговора обнявшись за плечи крепче некуда, в чем были и что с нами было, шатнулись стоймя в реку.

Воды в Натанеби по груди.

Вязанка нырнул раз, нырнул и два, а выцарапал из дна таки камень в два сложенных кулака, впихнул в полотняную сумку с книжками-тетрадками.

— Смотри у меня, без штучек чтоб! — погрозил пальцем камню. — Ну на фигу матросу фантик? Держи от нас эти премудрости на дне!

Вязанка поднял над головой сумку и, подпрыгнув, в брезгливости швырнул ее.

Сильное течение сердито было подхватило сумку, пронесло всего с аршин какой, после чего едва не отвесно пошла полотняночка книзу.

Солнце насквозь просвечивало воду, было помилуй как хорошо видно: достигнув плоского твердого дна, самого низа воды, сумка покатила, повинувшись власти течения, покатила медленно, как в замедленной съемке.

Дорога выпала ей короткая, всего-то до поперечной расщелины, откуда уже никакая сила воды не могла вызволить полотнянушку.

Я не заметил, как из нее вырвались, вылетели три белые птицы, три лощеных чистых тетрадных листа, что лежали в сумке поверх учебников.

Листы поднялись на верх воды и, то теряясь за беляками, пенистыми гребешками, то снова появляясь, суматошно понеслись прочь.

К морю.

4

Не испытыв, не узнаешь.

Читал, да и в кино видал, не переваривает море кисляев.

— А давай на пробу, — говорю Николе, — посмотрим, насколько по нраву мы морю, посмотрим, какие мы морячки.

— Смотрим!

Выплыли вразмашечку на середину, на самую в гневе ревушую быстрину. Бегучей, скорой воды мы не боимся. Черти-то вьют гнезда в тихой!

Вязанка — взгляд дерзкий, самоуверенный — диктует условия:

— Засовываем руки в карманы... Стоп, стоп, стоп! Слушай-ка, коржик... А что это у тебя там на подбородке чернеет?

— Может, свежая родинка на счастье?

— Ну-ка, ну-ка, что за штука! — Вязанка ловит меня за скулы и щепочкой, проносимой мимо водой, что-то сковыривает с подбородка (по крайней мере, мне так кажется). И с омерзением бросает щепочку себе за спину.

— Что там?

— Всего лишь автограф мухи. Хоть отмоешься теперь.

— Не сочиняй... Авто-о-ограф!

— Разговорчики в струю! Ну-ка, живо мне руки в карманы! Плыдем по течению.

Работать одними ножками. Вытащил кто до поры руки — операция «Море» отменяется. Да какой же ты моряк, раз станешь пускать пузыри в Натанеби? Тут пану вору бью по лодыжку!

Мы поплыли на спинках.

А и с норовом эта Натанебка!

Камешки что тебе стоячие айсберги! Несет тебя и только хлобысь, хлобысь об те горы то головой, то плечом, то спиной. Благо одно: примочек не надо.

Удары с у д ь б ы мы сносили без ропота.

5

Мир вам, и мы к вам!

Ровно в полночь, под бой кремлевских курантов, что благословлял из уличного репродуктора притихлый поселушек на покой до молодого солнца, мы, никому из домашних не скажи и слова, тайком подались в Махарадзе, на вокзал.

А на дворе темнешенько, как под землей. Ничуть не светлей, чем у негра в желудке.

Хоть глаз и не камушек, а совсем не видать даже того Вязанку. Прямо нарочно подгадал: вырядился во все черное. За ним иду, иду да и пощупаю, тут ли мой Николашенька.

Вот тебе и Махарадзе. Вот тебе и вокзалик.

Прочесали состав — ни одного проводника, чтоб хоть шевельнулось желание напроситься в зайцы. Кругом все огромного роста полусонные, угрюмые дядьки. Кто только и подбирал этот букетик? Кулачищи с твою голову, в глазах ненависть к нашему брату-безбилетнику, метелочные усы топорщатся грозно, как у сомов.

Подлетаем к концевому вагону — бабка на курьих лапках!

— Здрасьте, пожалста!

На всякий случай кланяемся и с бегу хоп на подножку.

Авось, шевелим прямыми извилинами, наскоком чисто возьмем на пушку этот божий обдуванчик.

Ан нетушки. Не выгорело.

— Этот в рифму не входят, птенчики милые. Ваше здрастье еще не билет! — Старая ехидна ловит меня — я мчался первым — за рукав, и мы деликатненько так откатываемся на нулевые исходные позиции.

— Бабуня,— говорю не то чтобы совсем уязвленно, но вместе с тем и учтиво, обходительно,— мы ж на учебу. За светом! Вы хоть подумали, кого дернули? Может, самого Ломоносова!

— А коли ты Ломоносов, так подмазывай пятки салом да пехом!

— За кем? Между прочим, у Ломоносова был стимул. Ломоносов шел за рыбным обозом. Дадите — и мы пойдем,— предъявил ультиматум Николайка.

Насколько мы поняли, рыбный обоз у старушки не находился. Старушка махнула рукой вдоль зеленой скобки поезда.

— С Богом!

— Лучше с вами!! — быстро сориентировался Вязанка.

— Вы выше Бога! — сказал я у как решительно: припомнил к случаю присказку про то, что «женское сердце признает одну верительную грамоту — лесь».

— И мы рады вам служить,— набивался в работнички Колоколя.

Я шел дальше.

— Мы согласны на любую египетскую работу...

— Мы не в Египет... Мы в Бату-ум едем.— Старинушка посмотрела на меня значительно хмурыми глазами.— Ловкий молотить языком. Такое сплел, что ну! Лучше застегни роток на все пугови.

С благодарным лицом выслушал я в благоговейном молчании старушку, опять это веду мосток к своим прерванным посулам.

— Мы,— говорю,— не будем пускать к вам зайцев. Разнесем чай... А в самом Батуме в блеск вымоем вагон!

— Никак работающий народ? — пристально, серьезно и вроде как уважительно глянула на нас старушка.

— Угу, работающий,— сиротски подтвердил Никола.

— Ну, коли так, милости прошу к нашему шалашу,— и шлет ласковыми глазами к приступочкам, и улыбается так хорошо.

Поклонились мы обстоятельно и степенно, не спеша, даже с какой-то важной медлительностью поднялись в тамбур.

— Забывайтесь в какую щель поглуше, чая не выглядывайте,— предупредила бабунюшка.

Торопливо-небрежно взгромоздились мы на верховку, на полки под потолком.

Я в головы кулак — высокогато. На палец сбавил — нормально. Колоня тоже под головы кулак, а под бока и так. Посмеивается:

— А на что мягко стелить? Вредная блажь... Да! — спохватывается.— Не спать. Совсем не спать! А то в поездах, слышал, всегда что да угонят. На голях останемся еще.

— А что ж, интересно, воровать?.. В карманах пустота, в одном смеркается, в другом заря занимается: денежек ни на показ, бумаг в цене никаких...

— Не беспокойся, мазурики найдут что шпионерить.

— Пускай им повезет!

— Потери ни к чему. У нас и так ничего нету. Соображай!

— Соображаю. От ничего взять ничего будет ничего. Ничего страшного!

В полусвете, что падал из окна от вагонного ночника, слева по ходу темнел прямой, гладкий скальный срез, темнел дивно так близко, что, казалось, протяни только вот руку,— достанешь. Каменная стена еще и так высока, сколько мы ни задирай головы в приспущенное, присаженное окно, а увидеть-таки верха стены и не увидели.

На стрелках вагон вздрагивал, как-то по-особенному тяжело и угрожающе стучали колеса; порываясь, мы прилипали лицами к стеклу — ужас застилал глаза: казалось, именно вот сейчас наступает именно та минута, которую выжидали горы, чтоб внезапно ухнуться на сонный поезд наш.

А справа предсветный час не спеша расстилал тяжелую синеву моря. Безоглядное, неохватное, кроткое, оно улыбалось со сна и где-то там, внизу, не под нами ли, вздыхая, глухо целовало холодные и желтые ноги скалам.

Море нам в радость, в радость вот такое, некиношное, заправдашнее.

— Гля,— тычу пальцем в низ окна,— чайки ловят рыбу!

— А во, гля. Нырок!

— А во парочка купается!.. Мостик сделал!

— А во-о теплоходина!

— У-у! Здоровый какой!

Тихо море, пока сам на берегу. С берега хорошо оно. Что ему? По рыбе не тужит, а по нас и подавно.

Уже совсем развиднелось, когда это гляжу — глазенки у моего у Вязанки соловеют, соловеют и все. Спит!

Сон, что богатство. Больше спишь — больше хочется.

Похоже, нам столького всхотелось, что ух да ну! Пожалуй, и пушечной пальбы не услышали бы, точно говорю. На какой же манер тогда обелить то, что мы не слы-

шали — вот и здравствуйте, что приключилось! — не слышали, как поезд пришел на конечную станцию, в Батум, не слышали, как выходил-высыпался горохом из вагона народ, не слышали, как уже в тупике убиралась проводница, доброты — душа наша.

Прокинулся я, тормошу Вязанку.

Колчак сразу поднялся на локти. Вроде и не спал вовсе, а так лежал, травил перекор с дремотой.

— Ты чего, лучик света в трупном царстве?

— Коко, подхвались, что видел.

Колчута с глубокомысленной озабоченностью перекрестил зевающий до хруста в челюстях рот, лыбится себе на уме.

— А ты?

— Щи по-флотски. Толстые щи. В таких ложка будет стоять... Жаль, ложки не было...

— Ложился бы с ложкой.

— А где ты раньше был?

Вязанка не нашелся, что ответить.

Разговор сам собой скомкался.

Легла мертвая тишина.

С недобрим предчувствием глянул я на Вязанку.

Коляй по привычке приставил ладонь к уху, и чем сосредоточенней вслушивался он в тишину, тем заметней все угасала веселость на его лице, все отчетливей проступало выражение тревожного любопытства, смешанного с недоумением.

— А слышь,— совсем почти без голоса заговорил Кольчик,— слышь, а чего это так тихо, как у меня под мышкой? А чего это мы стоим? Пришвартовались? Уже?

Вязанка уронил спрашивающий взгляд на луговину, что поднялась перед окном богатой золотой шапкой из одуванчиков в цвету.

— Да побей меня боцман, не может того быть! Вот что, долговязик,— по росту тебе и сан,— спустись в народ, подразведай, где мы, что там и как. Да живо мне! Не тяни резину! Порвешь!

— Одной ногой я уже на приеме у проводницы в купе.

— Скажешь, как и другой будешь там.

И снова пала тишина.

Неизъяснимое предчувствие беды ветром сняло меня с полки. Я сюда зырк, я туда зырк — ни души! Не на ком и глазу споткнуться.

Кинулся я даже в рундуки заглядывать. А ну, люди, туда попрятались? А ну сговорились так пасквильно подшутить над нами?

А то как же!..

Рванул я по пустому вагону к двери. Дерг, дерг за ручку. Заперта!

Бегом назад.

— Колич! — ору с перепугу.— Да мы одни на весь вагонище!

— Ну-у-у! Ложились, в кармане ни хрусталика, а к утру — собственный вагонишко!

Вязанка слез с полки, припал щекой к оконному стеклу; увидал перед головой изогнутого дугой поезда круто заломленные кверху рельсы со шпалой поперек и красными фонариками по бокам, отчаянно присвистнул:

— Глухо дело, пан Грициан... Ситуация, я тебе скажу...— Вязанка замолчал, подбирая нужное слово, но, так и не подобрав, махнул рукой, заговорил вразтяжку: — Со своим не-движимым в данный момент имуществом мы изволим пребывать в классическом тупике.— Подумал. Улыбнулся.— А хорошо, что дальше Батума не ходят поезда.

— Хорошо-то хорошо...

Вязанка перебил меня:

— А Колик желает к одуванчикам.

Вязанка — он был в темной рубашке с закатанными до самых плеч рукавами — осторожно, как бы примериваясь, положил ладони на ребро чуть приспущенного стекла и с такой силой давнул, что мускулы задышали, и стекло, повинувшись, подалось вниз скрипя, будто дразнясь и на всякий случай прячась в свое укрытие.

Наконец все стекло ушло.

Вязанка вывалился по пояс из окна.

Глянул влево, глянул вправо.

— Ба! Солнце на самой макушке,— сказал он.— Ну и задали мы храповицкого! Ну да ладно. Что было, то сплыло. А теперь, мальчик, ногу в стремя! Пока нами не увлеклась с пристрастием любознательная милиция, давай-ка лапки в охапки да и ходу отсюда. Вот так! — И он, пружиня на крепких руках, изящно скользнул в пустой квадрат окна.

Я за ним. Куда коза, туда и козленок.

— У нас ничего не увели? — охлопал себя Коляй.

— У меня ничего.

— А ты хорошо посмотрел?

— Сказал же.

— Странно даже...

